

ОБРАЗ ВДОВЫ В ТРАДИЦИОННОЙ СОЦИОНОРМАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ ОСЕТИН

Тавасиева Э.И.

Федеральное государственное Бюджетное учреждение науки Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства РСО-Алания (362040, Владикавказ, пр. Мира, 10), email: elina.tavasieva@mail.ru

В статье проведен анализ статуса вдовы в традиционном осетинском обществе, а именно – в соционормативной культуре осетин. Автор определяет особенности вдовства, обусловленные кроме имущественного права/бесправия и сословной принадлежности, также поведенческими формами вдовы в рамках осетинского этикета. Полевой этнографический материал автора, а также применение сравнительно-сопоставительного метода на этнографических материалах северо-кавказских народов позволяют сделать вывод о специфике положения осетинской вдовы: самый высокий авторитет имели вдовы, строго соблюдающие предписания адата, независимо от сословного и имущественного статуса. Кроме того, в районах распространения ислама нормы шариата, касающиеся имущественных прав вдов и дочерей, не получили должного распространения, так как имущественные вопросы решались исключительно в нормах обычного права.

Ключевые слова: статус вдовы, традиционное общество, адат, шариат, имущество, наследственное право.

WIDOW'S IMAGE IN SOCIONORMATIVE CULTURE OF OSSETIANS

Tavasieva E.I.

Federal State Budget Institution of Science V.I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of VSC and the Government of North Ossetia-Alania (362040, Vladikavkaz, pr.Mira, 10)

The article analyzes the status of widows in traditional Ossetian society, namely socionormative culture of Ossetians. The author defines the features of widowhood as behavioral forms widow under Ossetian etiquette, except due to property law / lawlessness and social status. Ethnographic material, and the use of comparative method on ethnographic materials of North Caucasian peoples suggest that specifics position of Ossetian widows had the highest authority of the widows complying adat, regardless of class or property status. Furthermore, in areas where Islam was distributed the laws of the shariah concerning property rights of widows and daughters had not received proper distribution because the property issues resolved exclusively in customary law.

Keywords: status of widow, traditional society, adat, sharia, property, inheritance law.

Целью данной работы является исследование статуса вдовы в соционормативной культуре осетин в традиционном обществе. Актуальность темы определяется ее значимостью в исследовании гендерных процессов и особенностей обычного права, а также отсутствием исследований в данном направлении. В отечественной историографии нет работ, посвященных проблемам правового статуса осетинской вдовы и ее образа в фольклоре. Однако отдельные вопросы, связанные с положением женщины, нашли отражение как в дореволюционной, так и в советской историографии [2,3,4,5,15].

Материалы по обычному праву кавказских горцев, и в частности осетин, лимитируются сравнительно небольшим кругом изданных источников. Основными из них являются сборники адатов, составленные в 40–60-х гг. XIX в. по заданию российской администрации на Кавказе [1, 4].

В данную статью вошли сведения о правовом положении вдов известного исследователя и юриста XIX века Ф.И. Леонтовича «Адаты Кавказских горцев» в главах

«Наследственное право», «Раздел имений», «Древние обряды Дигорского общества 1844 года», «Обряд духовных завещаний и поминовения», «Адаты по разделу и наследству» [8,5]. Работы М. Ковалевского «Закон и обычай на Северном Кавказе» [6] и «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» [7] представляют особую ценность, т.к. рассматривают нормы обычного права, регулирующие различные стороны общественного быта, а также имущественно-правовые отношения осетин. Большой вклад в исследование адатов осетин внес известный ученый Ф.Х. Гутнов, который составил сборник «Обычное право осетин», включающий адаты Тагаурского общества середины XIX века [1].

Статус осетинской вдовы определялся несколькими факторами: достатком ее семьи, возрастом самой вдовы. Но самым важным являлось поведение вдовы в рамках осетинского этикета. Чем сложнее ей было в быту и семье покойного и чем больше она себя ограничивала, тем почетнее было ее положение в обществе.

Когда умирал глава семьи, его супруга-æфсин (старшая женщина) приобретала статус вдовы. Имевшая большой опыт, она становилась советчиком в хозяйственных и общественных делах своим сыновьям, даже если они были совершеннолетними или довольно взрослыми.

Сословная принадлежность осетинской женщины, и в частности вдовы, также являлась одной из основополагающих ее статуса в обществе. Однако на право наследования имуществом сословная принадлежность не влияла. Как и у большинства народов Северного Кавказа, право на наследство имели только агнаты, т.е. сыновья, братья, племянники. Подтверждением этого служат данные М. Ковалевского, который считал, что причина этого явления состоит в родовом имуществе, которое принадлежит только членам рода и «не может быть никому другому уступаемо» [Цит. по: 10, 189]. Сыновья, прежде чем дележ дойдет до братьев умершего, получали всё, т.к. они являлись прямыми наследниками. По данным Ф.И. Леонтовича, имущество разделялось следующим образом: лучшая часть домовладений оставалась во владении старшего сына, вторую долю имущества получал младший. Все остальное (скот, утварь и т.д.) распределялось поровну между сыновьями. Вдова должна была жить у своего младшего сына с дочерьми, а когда последние выходили замуж, то получаемый за нее калым разделялся поровну между братьями [8, 74]. В обязанности младшего сына входило также обеспечение матери (вдовы покойного) и сестер.

В традиционном осетинском обществе рождение мальчика было очень значимым событием в жизни семьи, свидетельством этого являются адаты осетин, которые защищали имущественные права ребенка-мальчика. Т.е. даже если у умершего оставалась беременная вдова, то после достижения совершеннолетия рожденный мальчик получал полностью свою

долю, долю покойного отца. А.Х. Магометов упоминает о том, что после смерти отца семейства вдова и дочери имели право выбора, у кого из братьев (сыновей) жить. Остальные же братья выдавали из своего имущества некоторые части для прокормления своих сестер и матери [8, 189]. Подтверждением служат и данные Ф.И. Леонтовича. Вдова и сестра могли выбрать сами, у кого из братьев жить: «если у разделяющихся между собой братьев жива мать их, то по обычаю она должна жить на попечении и в доме младшего сына, а в случае, если она этого не пожелает, ей предоставляется жить с кем угодно» [8, 75]. Если же вдова была бездетной или имела только дочерей, родственники мужа оставляли ей имение на год для проведения поминок покойного. Затем оно отдавалось родственникам, у которых она могла жить. Если же вдова этого не желала, то родственники эти брали ее незамужних дочерей к себе жить, а ей выделяли какую-нибудь «неважную» часть имения [Там же, 6]. Если вдова покойного уходила к родным и не была в состоянии выйти замуж по старости лет, то она получала из имущества все необходимое для поминок и похорон, «смотря по состоянию» [Там же, 75]. Более того, если вдова уходила к родным после смерти мужа, то ее родственники возвращали третью часть калыма братьям покойного мужа. Это наблюдалось в Тагауро-Куртатинском, а также в Алагиро-Наро-Мамисонском обществе [Там же, 69]. У народов Северного Кавказа, исповедовавших ислам, дележ имущества совершался согласно шариату, то есть вдове полагается выделить одну четвертую часть имущества, если она бездетна, и одну восьмую, если имеет детей [14, 165–166]. Однако у осетин обычное право преобладало над шариатом в имущественных вопросах, т.е. практика дележа наследства по шариату у них не наблюдалась. Во всех случаях при разделе имущества они поступали согласно адату. М. Ковалевский писал: «Общественным приговором новейшего времени введено право завещательного распоряжения и открыта, таким образом, возможность наследования для женщин. Надо сказать, однако, что этой возможностью осетины доселе почти не пользовались, так прочно держится в их среде начало неотчуждаемости семейного имущества чужеродцу» [6, 324]. Он писал о том, что отсутствие практики завещания не препятствовало им раздавать «на смертном одре» имущество тем или иным родственникам по усмотрению, а также оговаривать, сколько должно быть затрачено на их похороны и на подарки муллам и нищим [Там же, 323]. Но эти предсмертные распоряжения никогда не касались недвижимого имущества, т.к. оно было достоянием не частного лица, а целого двора [Там же, 323]. Ф.И. Леонтович объяснял отсутствие завещательной практики, разрешившей «притесненное положение вдов привычкой старым обычаям и незнанием самой процедуры составления законных завещаний» [8,75].

Население Осетии в середине XIX века делилось на четыре категории. Как правило, в исторической науке эти категории называются сословиями. К первой категории относились

привилегированные фамилии, занимавшие в различных обществах господствующее положение. Ко второй категории относились фарсаглаги или адамихаты у дигорцев. Эта категория состояла из лиц лично свободных. А к третьей категории относились кавдасарды – лично зависимые крестьяне. Потомки плененных или купленных в прошлом составляли во всех осетинских обществах низшее сословие. Правовое положение вдовы определялось и ее принадлежностью к той или иной категории. Так, в «Обычном праве осетин» Тагаурского общества зафиксировано: «Муж сообщает жене своей, если она по роду принадлежит к состоянию низшему, все права и преимущества, сопряженные с его состоянием, чином и званием» [1, 117]. М.А. Текуева упоминает о похожем положении вдовы у кабардинцев: «...получив дворянское звание при замужестве, вдова сохраняет свои сословные права даже в повторном браке» [13, 88]. У осетин встречались случаи двоеженства. Вторую жену – *номыл ус* брали в жены из низшего сословия. Однако адат преобладал в имущественных вопросах над шариатом и российским законодательством, поэтому вдове, как и ее сыновьям, ничего не оставлялось в наследство. Ф.И. Леонтович в свою очередь писал о вторых женах так: «По смерти владельца «номыл ус», не имеющая детей, остается в доме сыновей или братьев умершего; если же у покойного ее владельца не останется наследников, то она переходит к ближайшему ее родственнику. Если дочь «номыл ус» овдовеет в то время, когда последняя с детьми живет в доме владельца, то при вторичном выходе замуж калым получается владельцем; в противном же случае, то есть дочь «номыл ус» овдовеет в то время, когда ее мать уже вышла из зависимости своего владельца, калым поступает в пользу братьев ее» [9, 203].

Как и у осетин, обычное право других народов Северного Кавказа не учитывало в вопросах наследования имущества интересов женщин даже из аристократических семей. У балкарцев, урусбиевцев и карачаевцев раздел имущества проходил тоже по адату, а не по шариату, т.е. между братьями. Женскому полу не завещалась часть из наследства [там же, 251.] Адыгская вдова, так же как и осетинская, не принимала участия в дележе имущества. Однако при вступлении в брак адыгской девушки выплачиваемый калым включал в себя *уасэ – Ыхьэ*, т. е. «часть цены», которая оставалась в семье мужа. Эта часть не включалась в опись имущества при его разделе как принадлежащая вдове. По мнению М. М. Ковалевского, этот платеж «жених скорее гарантирует, нежели выдает невесте» [6, 86]. Если в I половине XIX века размер *уасэ – Ыхьэ* не был определенным, то во II половине $\frac{1}{2}$ или даже $\frac{1}{3}$ часть калыма поступала в пользу жены [11, 136]. А с усилением влияния ислама положение адыгской вдовы значительно улучшилось. Так, например, под влиянием шариата в I половине XIX века кабардинцы включали пункт о выплате *уасэ – Ыхьэ* своим женам даже в том случае, если они на тот момент были в разводе [Там же, 136]. У балкарцев,

урусбиевцев и карачаевцев раздел имущества проходил тоже по адату, а не по шариату, т.е. между братьями. Женскому полу не завещалась часть из наследства. [9,251]. Осетинские вдовы также имели право на 1/3 часть калыма при разводе или вдовстве, однако разводы были крайне редки, а в случае смерти мужа вдова часто оставалась жить в семье мужа или выходила замуж по обычаю левирата. Для семьи мужа левиратный брак был наиболее выгодным способом сохранения рабочих рук в лице вдовы, а также способом не отчуждать полагающуюся часть от общего имущества. При малолетних детях этот обычай был наиболее приемлемым для самой вдовы, так как в случае ухода из семьи покойного мужа её дети всегда оставались в семье. При взрослых детях, возможно, «доля вдовы» отходила младшему сыну для дальнейшего содержания.

Как было выше изложено, жены и дочери отстранялись от наследования, но Ф.И. Леонтович приводит пример, когда вдова становилась полной наследницей имущества до той поры, пока старший сын не достигнет совершеннолетия (15 лет). Но были примеры, когда имущество переходило в женское колено. Условия были такими: если по смерти отца не было наследников мужского пола, и вдова, оставаясь в доме покойного мужа, не выходила вторично замуж и приживала на имя бывшего своего мужа с кем-либо сына. В этом случае последний принимал фамилию бывшего мужа своей матери и наследовал все имение. Но на подобное условие должно было быть согласие родственников ее покойного мужа [8, 75]. У М. Ковалевского мы тоже находим пример, когда вдова могла стать владелицей имущества: «...если умерший не оставляет после себя ни братьев, ни сыновей, его вдове разрешалось взять в дом любовника, сын которого («дзагъалзад») получал все законные права» [цит. по: 12, 170]. Эти факты говорят о некогда существовавшем у осетин порядке, когда принадлежность к семье обуславливалась происхождением от матери.

На первый взгляд, вдова в традиционном осетинском обществе не имела никаких имущественных прав за редким исключением. Однако при тщательном рассмотрении выяснилось, что причиной этого являлись интересы всей большой патриархальной семьи. Несмотря на отсутствие официальных прав на собственность, вдова никогда не оставалась без помощи и заботы со стороны своих детей или семьи мужа. Таким образом, адаты не только регулировали права и обязанности каждого члена общества, но и защищали наиболее слабых его членов, так как отношение общества и семьи к вдове было сострадающим и уважительным.

Список литературы

1. Гутнов Ф.Х. Обычное право осетин. Ч.1. Адаты Тагаурского общества (список Норденстренга 1844 г.). Владикавказ, 2012.
2. Дауева Т.Т. Умыкание девиц как фактор конфликтности в осетинском традиционном обществе // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Вып.7. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.62-66.
3. Дзагоева Э.П. Гендерное распределение трудовых функций в традиционной осетинской семье // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Вып.8. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.163-169.
4. Канукова З.В. Этнография осетинского пореформенного села. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992.
5. Канукова З.В. Женское пространство в пореформенной Осетии // Кавказский сборник. Вып. 5. М.: МГИМО, 2008.
6. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Северном Кавказе. М., 1890.
7. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. II. М., 1886.
8. Леонтович Ф.И. Адаты Кавказских горцев. Вып. II. Одесса, 1883.
9. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Т. I. Нальчик, 2002.
10. Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974.
11. Сабанчиева Л.Х. Гендерный фактор в традиционной культуре кабардинцев. Вторая половина XVI – 60-е годы XIX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-фа», 2005.
12. Тавасиева Э.И. Правовой статус вдовы в традиционной культуре народов Северного Кавказа // Методика и практика научного исследования. Материалы II Всероссийской летней историко-филологической школы-семинара молодых ученых. Владикавказ, 2008.
13. Текуева М.А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик: Издательский центр «Эль-фа», 2006.
14. Торнау Б. Мусульманское право. Вып.1. СПб., 1866.
15. Хадикова А.Х. Традиционный этикет осетин. СПб.: Изд-во СПб-го ун-та, 2003.

Рецензенты:

Дзаттиаты Р.Г., д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела археологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия – Алания, г. Владикавказ.

Кобахидзе Е.И., д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела источниковедения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия – Алания, г. Владикавказ.